

достаточной мере профессиональные кадры высокой квалификации, которых по тем или иным причинам не имеют военные вузы. Во-вторых, патриотом и гражданином нельзя родиться. Им можно только стать. И, если государство заинтересовано в сознательных гражданах, оно должно развивать систему патриотического воспитания, где, как показала история XX в. решающую роль играли военные кафедры гражданских вузов.

Примечания:

1. Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981.
2. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР 1979 года «О дальнейшем развитии высшей школы и повышении качества подготовки специалистов». М., 1980.
3. ЦАМО РФ. (Центральный архив Министерства обороны) Ф. 60389. Оп. А-58273. Д. 5-8.
4. ЦАМО РФ. Ф. 150. Оп. 859287. Д. 10-17.
5. Архив ПурВО ЦАМО РФ. Ф. 1/55. Оп. 17139. Д. 3. Л. 255.
6. ЦАМО РФ. Ф. 150. Оп. 859287. Д. 10. Л. 421.
7. ЦОДОВО. Ф. 1910. Оп. 6. Д. 394. Л. 196.
8. ЦАМО РФ. Ф. 150. Оп. 859287. Д. 10-17.
9. Приказ министра обороны Российской Федерации, министра образования Российской Федерации, директора Федеральной службы железнодорожных войск Российской Федерации от 08.05.2001. № 215/2006/106-дсп.
10. ЦАМО РФ. Ф. 150. Оп. 859288. Д. 2. Л. 267.
11. Там же. Л. 268.
12. ЦАМО РФ. Ф. 150. Оп. 859287, 859288.
13. Там же. Оп. 859288. Д. 2. Л. 268.
14. Там же. Оп. 859287, 859288.
15. Историческая справка факультета военного обучения. Екатеринбург. УГТУ-УПИ, 2006.
16. Ветеран Афганистана. 2000. № 12.
17. Архив ГОУ ВПО «УГТУ-УПИ». Ф. 227-р. Оп. 2-л. Д. 786. Л. 50.
18. Там же. Подсчитано автором.
19. Там же. Д. 786. Л. 50-51.
20. Там же. Подсчитано автором.
21. Змеев В.А. Реформирование военного образования в гражданских вузах // Военная мысль. 1993. № 11. С. 70-71.
22. Архив ГОУ ВПО «УГТУ-УПИ». Ф. 227-р. Оп. 2-л. Ед. хр. 786. Л. 50-51. Подсчитано автором.
23. Ветеран Афганистана. 2000. № 12.
24. Историческая справка факультета военного обучения Ю-УрГТУ. Челябинск, 2007.
25. Архив УрВО ЦАМО. Ф. 1/55. Оп. 16423. Д. 2. Л. 36.
26. Там же. Л. 258.
27. Там же. Л. 431.

В.Н. Кузнецов
Екатеринбург

МЕРОПРИЯТИЯ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ СЕКРЕТНОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ОБЪЕКТОВ АТОМНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ НА УРАЛЕ

В военные и первые послевоенные годы в СССР в целях обеспечения секретности действовала единая государственная система подлинных и условных наименований предприятий, организаций и учреждений военно-промышленного комплекса, используемых в оборонном секторе экономики. Этот механизм двойного названия постоянно совершенствовался. Целью двойного обозначения являлось введение в заблуждение вероятного противника об истинном наименовании, характере деятельности, местонахождении, ведомственной подчиненности предприятий оборонного комплекса и обеспечение режима секретности в их деятельности.

Эта практика показала, что благодаря целенаправленной и последовательной работе по сохранению государственной тайны Специальному комитету при Совете Министров СССР, органам государственной безопасности удалось обеспечить надлежащий режим секретности функционирования предприятий атомной промышленности и в

максимально короткий срок создать отечественное атомное оружие, испытание которого 29 августа 1949 г. стало для мирового сообщества полной неожиданностью.

Под подлинными наименованиями предприятий и учреждений атомной промышленности понимались наименования, указываемые в официальных документах правительства. Они применялись в официальной переписке с ПГУ, которая носила гриф «совершенно секретно» и осуществлялась по фельдъегерско-почтовой связи. Условные наименования применялись в открытой переписке между предприятиями и «внешними» организациями и органами, обеспечивающими производственную деятельность и социальные гарантии граждан, занятых в производстве ядерного оружия, и их семей.

Условные наименования подразделялись на «местные наименования объектов ПГУ» – для пользования в обращении с местным населением, переписке с местными организациями, для выдачи удостоверений и справок рабочим и служащим и условные наименования предприятий – для переписки и производственной транспортной и финансовых операций с поставщиками. Как подлинные, так и условные наименования периодически изменялись.

Чтобы обеспечить секретность предприятия атомной промышленности в начальный период их строительства назывались «базами», «объектами», «хозяйствами». Это наименование использовалось в переписке и при транспортных и финансовых операциях с поставщиками материалов и оборудования. Так, завод № 817 именовался «База-10», завод № 813 – «База-5», завод № 814 – «База-9».

Для усиления ответственности за действия по разглашению государственной тайны по Указу Президиума Верховного Совета (ПВС) СССР от 9 июня 1947 г. «О сохранении государственной тайны» было установлено уголовное наказание в виде лишения свободы. В связи с этим ЦК ВКП(б) потребовал от партийных комитетов всех уровней усиления работы по воспитанию у коммунистов революционной бдительности, непримиримости к людям, беспечно относящимся к сохранению государственной тайны и к сохранности секретных документов, допускающим болтливость.

После подписания указа вокруг объектов атомной промышленности стали создаваться зоны особого режима. Так, Спецкомитет принял решение о создании охраняемой зоны завода № 817 (с периметром ориентировочно в 35 км) и отселением жителей поселков, расположенных внутри указанной зоны. На основании этого решения Л. П. Берия обратился к И. В. Сталину с письмом, к которому приложил проект постановления СМ СССР «О мерах обеспечения охраны объекта № 859 (завода № 817)». В нем было предложено установить режимную зону объекта радиусом в 25 км с включением в нее 99 населенных пунктов. Совету министров РСФСР совместно с МГБ СССР и МВД СССР в месячный срок необходимо было внести в СМ СССР предложения о выселении лиц, которые по условиям режима не могли оставаться в зоне завода [1].

Запретная зона охранялась силами войск МВД СССР. С 15 сентября 1947 г. была введена войсковая охрана завода, а с 1 ноября 1947 г. за колючей проволокой оказался и жилой поселок [2]. На режимной территории вводился строгий паспортный контроль. Здесь категорически запрещалось проживание кого-либо без пропуски. Более того, граждане были обязаны помогать милиции в поимке и доставке в спецотделение МВД

нарушителей установленного порядка, а также доносить органам МВД о замеченных нарушениях.

По постановлению СМ СССР от 8 февраля 1948 г. население особережимной зоны завода № 817, а это 95 877 человек, подлежало отселению в другие города и районы Челябинской области. Сначала эта акция затрагивала 2269 человек, а, по уточненным данным, кандидатами на отселение оказались 2939 человек. Из 855 глав семей и одиночек, подлежащих переселению, 25 % составляли спецпереселенцы, 19 % – освобожденные иностранными войсками из плена и лагерей, 8 % – бывшие кулаки, 30 % – осужденные по 58, 59, 74, 107 статьям и закону от 9 августа 1932 г. [3] Подобные режимные зоны были установлены и на других объектах ПГУ на Урале. Главным источником опасности спецслужбы считали сотни тысяч строителей, по роду своей деятельности постоянно вынужденных менять место жительства, и поэтому контролировать их было трудно.

После окончания строительства объектов у всех участников атомных строек бралась подписка о неразглашении информации, ставшей им известной по роду своей деятельности. С бывшими заключенными, солдатами-репатриантами и спецпереселенцами, трудившимися на закрытых стройках, заключили трудовые соглашения сроком на 2–3 года и отправили их уже в качестве вольнонаемных на работу в Дальстрой МВД СССР. При этом поселили их компактно, дабы исключить общение с другими категориями работников предприятий Дальстроя. С каждого переселяемого также бралась подписка в соответствии с Указом ПВС СССР от 9 июня 1947 г., разработанная на основе подписки, утвержденной Постановлением СМ СССР № 535-204 сс от 1 марта 1948 г. [4]

Вопросы соблюдения режима секретности были предметом внимания не только органов безопасности, но и руководителей всех рангов, а также политических отделов и руководимых ими партийных организаций. На обсуждение коммунистов на партийных собраниях всех объектов атомной промышленности Урала, особенно в начальный период их строительства, периодически выносились вопросы повышения классовой, политической бдительности [5]. Особое внимание обращалось на частую смену работников, ответственных за хранение секретных документов. Причем они не передавали друг другу документы по актам, в результате при проверке комиссии обнаруживали утрату секретных документов.

Беспечность персонала доходила до того, что к секретным документами допускались даже заключенные. Так, на протяжении длительного времени в спецчасти на строительстве № 865 в ИТЛ № 100 работал заключенный Климанов, осужденный по Указу ПВС СССР от 4 июня 1947 г. сроком на 10 лет. Этот случай не был единичным. В ряде лагерных отделений секретарями были заключенные, имевшие доступ к телефонной связи и документации [6].

Особым каналом возможной утечки информации была переписка с партийными комитетами различных уровней по основной деятельности, вопросам учета коммунистов; с предприятиями и организациями – по вопросам снабжения. Для упорядочения переписки и обеспечения сохранения государственной тайны Секретариат ЦК ВКП(б) Постановлением от 20 марта 1948 г. «О порядке почтовой переписки местных парторганизаций с политорганами Вооруженных сил» определил правила, по которым запрещалось в адресах указывать место расположения воинских частей, звания и командные должности лиц, которым адресована корреспонденция [7].

Вскоре после этого, 25 сентября 1948 г., Совет министров СССР рассмотрел меры по усилению бдительности и принял Постановление № 3572-1432 сс. Спецкомитет отреагировал на это постановление решением от 18 февраля 1949 г. «О мерах обеспечения секретности объектов Первого главного управления при Совете министров СССР». Членам Спецкомитета М. Г. Первухину, А. П. Завенягину, П. Я. Мешику было поручено разработать и согласовать с МГБ СССР соответствующие инструкции о правилах переписки между министерствами и ведомствами, внутри ПГУ и для его подведомственных объектов. Этим же решением специальные названия химических элементов, наиболее часто употребляемые в переписке, были заменены. Например, уран-238 требовалось именовать в отчетах «кремнил», плутоний-239 – «аметил», уран-235 – «кремнил-1» и т. д. [8] Вместо термина «цепная реакция» писали «окисление», вместо «радиоактивное облучение» – «окуривание», вместо «вредные излучения» – «отходящие газы». Зашифровывались даже медицинские диагнозы: вместо диагноза «лучевая болезнь» писали «вегетососудистая дистония 2-й степени» [9]. Режимные органы часто перестраховывались, засекречивая даже то, в чем не было никакой секретности, к примеру, сведения, которые за пределами объектов использовались открыто.

В целях реализации новых правил пользования условными наименованиями всем предприятиям ПГУ с 18 февраля 1949 г. была изменена ведомственная принадлежность. Они были переподчинены Министерству химической промышленности СССР. После образования в июле 1953 г. Министерства среднего машиностроения СССР ему были вновь переданы бывшие предприятия ПГУ.

На своем заседании от 18 февраля 1949 г. Специальный комитет для переписки и ведения транспортных и финансовых операций с поставщиками материалов и оборудования присвоил ПГУ новое наименование – «Главгорстрой СССР». Подведомственные ПГУ предприятия стали именоваться складами, базами и конторами Главгорстроя СССР. Например, в переписке с поставщиками завод № 817 (База-10) получил наименование «Южно-Уральская контора Главгорстроя СССР», завод № 814 (База-9) стал именоваться «Северо-Уральский склад Главгорстроя СССР», а завод № 813 (База-5) – «Уральская база технического снабжения Главгорстроя СССР».

Кроме того, предприятия атомной промышленности, как и другие оборонные предприятия, имели почтовые ящики-адреса. Такие адреса применялись с 1951 по 1989 г. Так, завод № 817 в разные годы имел несколько почтовых ящиков-адресов: п/я 49, п/я 120, п/я 1590, п/я 21, п/я А-7564; завод № 813 имел почтовый ящик-адрес п/я 318; завод № 814 – почтовые ящики-адреса п/я 131, п/я Р-6816.

Эти условные наименования предприятий предназначались для определенных целей и применялись главным образом в документах, определяющих кадровую политику ПГУ, а также как почтовый адрес при расчетах с внутризоновыми организациями, а после 1957 г. – в несекретной переписке с поставщиками по вопросам материально-технического снабжения. В трудовых книжках работников после присвоения предприятиям почтовых ящиков-адресов были произведены записи: «Откомандирован в порядке перевода на Предприятие п/я 131».

С января 1958 г. в несекретной переписке с поставщиками по вопросам материально-технического снабжения условные наименования предприятий атомной отрасли – конторы и склады Главгорстроя СССР – были отменены. Им на смену пришли новые условные названия. Например,

Южно-Уральская контора Главгорстроя СССР стала называться Челябинской конторой п/я 21.

Под этими адресами велась переписка с теми «внешними» предприятиями и организациями, с которыми открытое наименование «Государственный химический завод имени Менделеева (ГХЗ им. Д. И. Менделеева)» считалось недопустимым. При этом у всех работников предприятия в личные дела были произведены записи об их переводе на «Предприятие “почтовый ящик 21”».

В последующем в приказах директора ГХЗ им. Д. И. Менделеева по личному составу и производственной деятельности применялось условное наименование «п/я 21». Одновременно в паспортах, трудовых книжках, справках и других кадровых документах работников, в том числе пенсионных делах и документах на льготы, делались соответствующие отметки от имени «Предприятия “почтовый ящик 1590”». Начиная с 1 октября 1958 г. условное наименование «п/я 1590» было закреплено за отделом кадров городских подразделений, а «п/я 21» оставлено за кадровой службой ГХЗ им. Менделеева.

В январе 1958 г. МСМ СССР ввело условные наименования «почтовый ящик» и для отдельных структурных подразделений ГХЗ им. Д. И. Менделеева. В частности, для управления капитального строительства – п/я 99, для отдела рабочего снабжения – п/я 179. Всего по состоянию на январь 1958 г. на этом предприятии существовало четырнадцать условных наименований «почтовый ящик».

Череду смены условных названий ГХЗ им. Д. И. Менделеева завершает наименование «Предприятие п/я А-7564», присвоенное ему МСМ СССР 4 марта 1966 г. Оно использовалось в секретных и несекретных документах, регламентирующих производственные, научно-исследовательские работы, материально-техническое снабжение, в расчетно-платежных документах, в переписке с поставщиками и потребителями продукции. Одновременно предприятие получило новое открытое наименование – «Химический комбинат “Маяк”».

Менялись и названия ведомств, которые возглавляли работу по созданию атомной промышленности. Так, Первое главное управление при Совете министров СССР с 26 июня 1953 г. в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР стало именоваться Министерством среднего машиностроения СССР. 29 июня 1953 г. министром назначен В. А. Малышев, он же являлся заместителем председателя Совета министров СССР. 9 июля 1953 г. была утверждена первая структура МСМ СССР и установлена его численность – 3033 человека [10]. С 13 марта 1963 г. МСМ СССР переименовано в Государственный производственный комитет по среднему машиностроению СССР, затем, со 2 марта 1965 г., – вновь в Министерство среднего машиностроения СССР, с 1989 г. – в Минатомэнергопром СССР, с 29 января 1992 г. – в Министерство Российской Федерации по атомной энергии, в настоящее время это Государственная корпорация «Росатом».

С января 1948 г. с целью исключения упоминаний географических названий населенных пунктов, прилегающих к местам строительства объектов атомной промышленности, для переписки населения жилых поселков и для служебной корреспонденции были установлены номера почтовых отделений полевой почты, которые приписывались к областным центрам. Например, Челябинск-40, Свердловск-44, Свердловск-45 с указанием названий улиц и номеров домов, соответствующих действующим наименованиям улиц закрытых городов [11]. Для воинских подразделений

дополнительно указывался номер почтового ящика. То же касалось и телеграфных адресов.

Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 17 марта 1954 г. населенные пункты предприятий атомной отрасли были преобразованы в города областного подчинения. Так как этот указ был секретным, он не публиковался в печати. Не значились названия городов и в справочниках административно-территориального деления страны, не были они обозначены и на географических картах. С середины 1960-х гг. в соответствии с рядом ведомственных решений [12] и вплоть до января 1994 г. атомные города именовались по нумерации почтовых отделений, закрепленных за этими населенными пунктами в 1948 г.

В 1960–1980-х гг. в атомной отрасли принимался ряд ведомственных нормативно-правовых актов, регулирующих вопросы режима секретности и сохранения государственной тайны. Среди основных документов были Приказ Государственного комитета по среднему машиностроению № 263 с от 3 октября 1964 г., решением которого с 1 января 1966 г. в стране вводилась единая система условных и открытых наименований; Положение «100» от 7 июля 1965 г. «О порядке применения условных и открытых наименований министерств, предприятий, учреждений и организаций СССР»; Приказ по МСМ СССР № 080 сс от 4 марта 1966 г. «О введении новых условных и открытых наименований для организаций и учреждений МСМ».

Соответствующие приказы и инструкции о порядке применения и пользования условными наименованиями издавались и на предприятиях МСМ СССР, они подлежали изучению и неукоснительному выполнению всеми категориями населения. С 1 января 1967 г. МСМ СССР полностью перешло на единую государственную систему условных наименований предприятий и организаций оборонных отраслей народного хозяйства. В результате этого все ранее установленные условные названия были отменены, кроме последних – п/я А-7564, п/я Р-6816, которые применялись исключительно в сфере производственно-хозяйственной деятельности вплоть до 1989 г. Забегая вперед, скажем, что с 1 января 1990 г. в связи с переименованием Министерства среднего машиностроения СССР в Минатомэнергопроме СССР все условные наименования предприятий и организаций были отменены.

С начала строительства территория строящихся предприятий находилась в режимных зонах, с ограничением, а затем с запретом ее посещения посторонними лицами. Все, кто по каким-либо причинам покидал пределыстроек, давали подписку на 25 лет о неразглашении сведений, связанных с назначением строящихся объектов. Пропускной режим осуществляли военная комендатура и бюро пропусков.

Территории промышленных площадок, находящихся внутри режимных зон жилых поселков, дополнительно обносились двухрядным проволочным ограждением с контрольно-следовой полосой, которая патрулировалась подвижными нарядами войсковой охраны. Особенно строгой пропускная система была для персонала предприятий. Подавляющее большинство работников, за исключением нескольких человек, имели пропуск только на свое рабочее место. За утерю пропуска следовали строгие меры ответственности. Работники, поселившиеся на территории рабочего поселка, уже не могли из него выехать.

Органы госбезопасности вели активную деятельность, установив тщательное наблюдение за всеми, кто был допущен к государственной тайне. Этим же целям служили цензура на входящую и исходящую

корреспонденцию и перлюстрация писем, запрет полетов самолетов над районами размещения предприятий атомной промышленности [13].

Работники предприятий и строителей, допущенные к государственной тайне, в том числе и некоторые работники политотделов, получали пятнадцатипроцентную надбавку к окладу за особую секретность работы [14]. По просьбе ПГУ такая надбавка была установлена Постановлением СМ СССР по решению Спецкомитета от 15 октября 1948 г. [15]

Безопасность предприятий атомной промышленности обеспечивалась не только за счет тотальной секретности, но и благодаря активной воспитательной и организаторской работе политических отделов, городских комитетов КПСС и ВЛКСМ, партийных и комсомольских организаций, а также высокой и сознательной дисциплине подавляющего числа руководителей, специалистов и рабочих. Этому способствовали и особый отбор, и направление на предприятия лучших выпускников вузов, техникумов, ремесленных училищ. Эти люди занимали активную жизненную позицию, обладали сформированным чувством патриотизма и самопожертвования. Весь комплекс описанных условий позволил обеспечить надлежащий уровень секретности и безопасности предприятий атомной промышленности и решить важнейшие государственные задания, укрепить обороноспособность страны и, в конечном счете, ее независимость.

Примечания:

1. 151 См.: Атомный проект СССР: док. и материалы. Т. 2. Атомная бомба, 1945–1954 гг. М.; Саров, 2002. Кн. 3. С. 293.
2. Там же. С. 293.
3. Новоселов В. Н. Решение проблемы безопасности предприятий атомной промышленности Урала (1945–1950) // Урал в военной истории России: традиции и современность. Екатеринбург, 2003. С. 92.
4. Атомный проект СССР: док. и материалы. Т. 2. Атомная бомба, 1945–1954 гг. М.; Саров, 2002. Кн. 1. С. 368–369.
5. Кузнецов В. Н. Общественно-политическая жизнь в закрытых городах Урала. С. 60.
6. Там же. С. 61.
7. ЦДООСО. Ф. 5149. Оп. 1. Д. 45. Л. 56–57.
8. Атомный проект СССР: док. и материалы. Т. 2. Атомная бомба. 1945–1954 гг. М.; Саров, 2002. Кн. 1. С. 350.
9. Новоселов В. Н. Решение проблемы безопасности предприятий атомной промышленности Урала (1945–1950). С. 94.
10. Атом-пресса. 2008. № 1 (787). Янв. С. 4–5.
11. Статус города ему был присвоен Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 17 марта 1954 г.
12. Приказ по Государственному комитету по среднему машиностроению № 263с от 3.10.1964 г., которым была введена с 1.01.1966 г. единая в стране система условных и открытых наименований; Положение «100» от 7.07.1965 г. «О порядке применения условных и открытых наименований министерств, предприятий, учреждений и организаций СССР»; Приказ по МСМ СССР № 080 сс от 4.03.1966 г. «О введении новых условных и открытых наименований для организаций и учреждений МСМ».
13. Новоселов В. Н. Решение проблемы безопасности предприятий атомной промышленности Урала (1945–1950). С. 92–93.
14. ЦДООСО. Ф. 657. Оп. 1. Д. 48. Л. 84.
15. Атомный проект СССР: док. и материалы. Т. 2. Атомная бомба, 1945–1954 гг. М.; Саров, 2002. Кн. 1. С. 327.